

ПРЕПОДОБНЫЙ ИСААКИЙ ДАЛМАТСКИЙ

(4 апреля)

Преподобный Исаакий (2-я пол. IV—V в.) происходил «с востока», по всей вероятности из Сирии. Он подвизался в пустыне, пока не услышал голос с небес, повелевший ему отправиться в Константинополь. Прибыв туда, святой застал столицу охваченной ересью арианства, приверженцем которой был император Валент (364—378). Когда император собирался на войну с варварами (речь идет о походе против вестготов 378 г.), Исаакий несколько раз подходил к нему с увещеваниями, прося открыть церкви и прекратить гонения на православных. За это приближенные императора избили святого, а Валент приказал бросить его в зловонное болото, из которого живым не выбиралось ни одно существо. Но два ангела чудесным образом избавили преподобного от гибели. Придя к императору в последний раз, Исаакий предсказал ему поражение в войне и гибель в огне. Разгневанный император повелел бросить подвижника в темницу до своего возвращения. По пророчеству святого армия Валента была разбита варварами, а император, спасаясь бегством, сгорел в деревянном амбаре, подожженном преследователями.

После смерти Валента на престол взошел император Феодосий I Великий (379—395). Услышав о пророчестве Исаакия, император приказал отпустить его из темницы и с почестями принял во дворец. После этого Исаакий, согласно Житию, участвовал во II Вселенском Соборе (381). Затем святой хотел вернуться в пустыню, но благочестивые вельможи Сатурнин и Виктор просили его не покидать Константинополь и не оставлять своих духовных чад. Вняв их уговорам, преподобный Исаакий попросил построить ему келью. Каждый из вельмож возвел в своем имении жилище для него, и святой выбрал скромную келью, сооруженную Сатурнином. Она находилась в пригороде Константинополя, за городскими стенами.

К Исаакию приходило много людей из города, он посещал жителей по их просьбам, чтобы помолиться с ними и благословить их дома. Император Феодосий также неоднократно приглашал святого во дворец. Исаакий всегда стремился помогать бедным, и если кто-то, встретив его на дороге, просил милостыни, то он снимал с себя плащ и отдавал нищему. Если он возвращался из города и ворота уже были закрыты, то после молитвы и крестного знамения святого они всегда чудесным образом открывались. Через некоторое время вокруг кельи Исаакия был основан монастырь, впоследствии названный Далматский монастырь, который считался древнейшим в Константинополе; там святой прожил до конца своих дней.

Почувствовав приближение смерти, Исаакий созвал учеников, наставлял их в правой вере и выбрал среди них одного, по имени Далмат, которого назначил своим преемником.

После кончины святого император приказал совершить торжественное погребение с процессией к церкви Святой Ирины (которая тогда была кафедральным собором). Братия монастыря и ученики святого испросили разрешение положить останки Исаакия в церкви святого Стефана, построенной неподалеку от Далматского монастыря. Преподобный Исаакий был погребен в алтаре этого храма, справа от святого престола.

Почитание Исаакия Далматского в России связано с личностью императора Петра I, день рождения которого (30 мая) совпал с днем памяти святого. Император считал его своим небесным покровителем, и в честь святого был воздвигнут Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге.

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ТУЧНАЯ ГОРА»

(6 апреля)

История иконы Божией Матери «Тучная Гора» восходит к XVII веку, когда тверской горожанин, сын крещеных татар, Косма Волчанинов с помощниками проводил ремонт в одном из тверских монастырей. Работы были выполнены отлично и в срок. Видя столь похвальное усердие Волчанинова, настоятель решил отблагодарить подрядчика и предложил Косме выбрать себе в подарок какую-либо монастырскую икону. Волчанинову приглянулась икона Божией Матери, которую он увидел на полу на левом клиросе собора. Видимо она находилась там «за излишеством». Как великую святыню Косма Волчанинов принес икону домой, где позже, завещал своим потомкам почитать эту икону, и в тот момент, когда не останется в его роде наследников по мужской линии передать ее в храм Божий.

Один неблагоговейный внук Космы нарушил дедов наказ и вынес обветшавшую икону на чердак. Его невестка терпела много оскорблений от мужа и его родных. В отчаянии женщина решила покончить самоубийством в пустой бане. На пути ей явился какой-то монах и сказал: «Куда ты, несчастная, идешь? Воротись назад, помолись Божией Матери «Тучной Горе» и жить тебе будет хорошо и покойно».

Взволнованная молодая женщина, возвратившись домой, рассказала все, не скрывая и своего преступного намерения. Стали разыскивать монаха, но не нашли его, никто кроме нее его не видел. Случилось это накануне праздника Благовещения Пресвятой Богородицы. Икону немедленно отыскали на чердаке, отчистили от грязи и поставили в доме на почетном месте. Вечером был приглашен приходской священник, который совершил пред иконой всенощное бдение, которое с тех пор совершалось в доме ежегодно в этот день.

Более полутора лет икона находилась в семье Волчаниновых. Екатерина, дочь Василия, последнего из рода Волчаниновых, выйдя замуж за Георгия Ивановича Коняева, взяла к себе икону Матери Божией как самое дорогое наследие. И в доме Коняева перед этой иконой совершались молебствия и всенощные бдения 24 марта и 7 ноября (вероятно, это был день перенесения иконы из монастыря в дом Космы Волчанинова).

В 1863 году при кладбищенской церкви Смоленской иконы Божией Матери было решено устроить придел в честь святителя Тихона и преподобного Макария Калязинского. Тогдашний владелец иконы, Георгий Коняев пожелал передать цельбоносный образ Богородицы в храм. Он обратился к причту с просьбой устроить еще один придел для чудотворного образа Матери Божией «Тучная Гора». При этом он сказал: «Я считаю самым лучшим для нее храм Смоленской иконы Божией Матери, потому что место, на котором построена церковь, в старину называлось горой, как самое высокое место в городе. На эту гору в прежнее время жители во время наводнений сносили свое имущество и здесь спасались сами от гибели. Пусть же Царица Небесная – Тучная Гора – поживает своей благодатью на этой горе и покрывает всех здесь погребенных Своей милостью». 15 июля 1866 года икона была перенесена в построенный придел, который на следующий день был освящен Старицким епископом Антонием.

На протяжении трех предреволюционных столетий икона Божией Матери «Тучная Гора» многократно являла многочисленные чудеса. Ее брали в дома благочестивых граждан. К ней приносили детей для исцеления, с нее делали списки, которые в свою очередь тоже оказывались благодатными.

К сожалению, после закрытия Смоленского храма икона исчезла. Но не исчезла память об иконе «Тучная Гора». По благословию архиепископа Тверского и Кашинского Виктора в 1993 году был написан список иконы «Тучная Гора» и возобновлено торжественное почитание этой иконы. Ныне чтимый список иконы находится в Вознесенском соборе г. Твери.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ (7 апреля)

Благовещение (т.е. благая, добрая, радостная весть) – один из главных христианских праздников, посвященный воспоминанию возвещения Архангелом Гавриилом Пресвятой Деве Марии тайны воплощения от Нее Бога–Слова. Отмечается ежегодно 7 апреля (25 марта по старому стилю) – ровно за девять месяцев до Рождества Христова. Чаще всего праздник приходится на период Великого поста, однако может совпадать и с пасхальным торжеством – по среду Светлой седмицы включительно.

События Благовещения описаны единственным евангелистом – апостолом Лукой (Лк. 1:26–38). По Церковному преданию, Лука был хорошо знаком с Богородицею, поэтому пишет о Ней чаще и больше других. В своем Евангелии он сообщает, что в шестой месяц после зачатия праведной Елизаветой святого Иоанна Предтечи Архангел Гавриил был послан Богом в Назарет к Деве Марии с радостной вестью о том, что от Нее родится Спаситель мира. Войдя к Ней, Гавриил сказал: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами». Мария смутилась от ангельского приветствия и размышляла о его значении, Гавриил же продолжил: «Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога. И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего... и Царству Его не будет конца». Мария в недоумении спросила, как исполнение этого обещания совместимо с соблюдением избранного Ею девственного образа жизни: «Как будет это, когда Я мужа не знаю?» Ангел ответил Ей, что воплощение Сына Божия будет совершено чудесным действием Святого Духа: «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим. Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц, ибо у Бога не останется бессильным никакое слово». Тогда Мария со смирением сказала: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему». И отошел от Нее ангел.

День Благовещения Пресвятой Богородицы является и днем воплощения Спасителя. Воплощение Сына Божия произошло по воле Бога Отца, но необходимо было и согласие человечества, которые было дано устами Пресвятой Девы. Поэтому в тропаре праздника это событие названо «началом нашего спасения».

Христианские апокрифы II века «Протоевангелие Иакова» и «Книга о рождестве блаженнейшей Марии и детстве Спасителя» дополняют евангельское повествование о событии Благовещения некоторыми подробностями. Согласно преданию, Дева Мария услышала архангельское благовестие сначала у колодца или источника, куда Она пошла за водой, а затем в доме, где Она, по выпавшему Ей жребию, прядла из пурпурной нити завесу или ковер для иерусалимского храма. Эти эпизоды непосредственно следовали друг за другом или же между ними прошло несколько дней. Апокрифическое предание нашло свое отражение в иконографии праздника, в частности, в фресковой росписи многих храмов встречается сюжет «Благовестие у колодезя», а на иконах услышавшая архангельское приветствие Богородица обычно изображается с пурпурной нитью в руках и веретеном. Однако мотив рукоделия воспринимается не только как некая бытовая подробность. Тонкая красная нить – указание на то, что из чистых и девственных кровей Приснодевы соткалась пречистая плоть Спасителя. Тексты, тождественные такому художественному образу,

присутствуют и в гимнографии: *«Пречистая! Мысленная багряница — плоть Еммануила соткалась внутри Твоего чрева как бы из вещества пурпурного, потому мы почитаем Тебя, истинную Богородицу»* (перевод Богородична 8-ой песни Великого покаянного канона Андрея Критского).

Установление особого праздника Благовещения произошло не ранее IV века, однако изображения Благовещения присутствуют уже среди росписей катакомб второй половины II – первой половины III веков. Открытие святой равноапостольной Еленой в начале IV века мест земной жизни Господа Иисуса Христа и начатое ею строительство храмов на этих местах (в частности, в Назарете) вызвали рост интереса к событию Рождества Христова и тайне Воплощения; возможно, с этим связано и установление Благовещения как отдельного праздника. В VI веке преподобный Роман Сладкопевец написал кондак на Благовещение; к концу VII века – это уже один из самых почитаемых праздников в Константинополе, а правилом Трулльского собора была закреплена практика совершения на Благовещение полной литургии святителя Иоанна Златоуста, если оно выпадает на будние дни Великого поста. Все византийские памятники VIII и последующих веков называют Благовещение среди важнейших праздников; богослужение неизменно совершается 25 марта (7 апреля нов. ст.) и на другие дни не переносится даже при совпадении с последними днями Страстной седмицы или Пасхой.

Среди богослужебных текстов праздника особой поэтичностью выделяется канон, читаемый на утрени, – один из немногих диалогических канонов: он строится на напряженном драматическом диалоге Архангела Гавриила и Богоматери. В каждой песни один тропарь составляют слова Ангела, другой – Богородицы. Подобного рода диалоги встречаются в гимнах преподобных Ефрема Сирина и Романа Сладкопевца, в проповедях Иоанна Дамаскина.

Кондак, исполняемый на праздник Благовещения, хорошо знаком верующим, так как является также первым стихом Акафиста – *«Взбранной Воеводе...»*. Это победная благодарственная песнь, обращенная к Богородице от лица «Ее города», то есть Константинополя, «избавленного от ужасов» нашествия иноплеменников. Написание кондака связывают с осадой столицы Византии летом 626 года аварами, славянами и Сасанидами, когда патриарх Константинопольский Сергей I с иконой Божией Матери обошел городские стены, и опасность была отвращена. В церковнославянском переводе «город Твой» заменено на «раби Твои».

Тропарь Благовещения

глас 4

Днесь спасения нашего главизна и еже от века таинства явление: Сын Божий Сын Девы бывает, и Гавриил благодать благовестует. Темже и мы с ним Богородице возопиим: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою.

Кондак Благовещения

глас 8

Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшися от злых, благодарственная восписуем Ти, раби Твои, Богородице, но, яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуйся, Невесто Неневестная.

Величание

Архангельский глас вопиет Ти, Чистая: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою.

АПОСТОЛ

Братия, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания нашего. Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха. Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи. Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить жертвы о грехах. И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон. Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя; как и в другом месте говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека.

(Послание к Евреям св. ап. Павла, 4:14–5:6)

ЕВАНГЕЛИЕ

Сказал Господь: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами. И сказал им: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе.

(Евангелие от Марка 8:34–9:1)

Протопресвитер Александр Шмеман. Крестопоклонная неделя

Посредине Великого поста, в конце третьей его недели, выносятся во всех церквях на середину храма крест. И совершают верующие поклонение ему. И таким образом начинается наше приближение к самой главной, к самой таинственной из всех тем нашей веры – теме распятия, страдания и смерти.

Почему таинственной? Разве страдание не стоит в центре жизни? Разве каждый из нас не познал и не познает его, увы, слишком часто? Да, конечно, это так. Но ведь здесь речь идет не о нас, а о Христе. А про Христа мы говорим, что Он Бог. А от Бога, от веры разве мы не хотим облегчения (если уж не полного исчезновения наших страданий)? Разве не только друзья, но и враги веры, ее обличители не утверждают в странном согласии, что религия – это прежде всего помощь, утешение, некий, как говорят, бальзам на душу?

Но вот крест, но вот снова Великая пятница, и снова эти же слова: «Начал скорбеть и тосковать» (Мф.26:37). И сказал: «Душа Моя скорбит смертельно» (Мф.26:38). Не Он помогает апостолам, застывшим от горя и тоски, Он у них просит помощи: «Побудьте здесь и бодрствуйте со Мною» (Мф.26:38). А потом это одинокое мучение: сначала побои, насмешки, удары по лицу, плевки, потом гвозди в руках и ногах. И самое страшное – одиночество. Когда все, оставив Его, бежали. И как будто сокрылось само небо, ибо «около девятого часа возопил Иисус громким голосом: ...Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» (Мф.27:46).

Нет, если только снова по-настоящему взглядеться в это, вслушаться, что-то странное тут происходит даже с самой религией. Как будто ничего не остается от самого ясного, привычного в ней – помощи, поддержки, гарантии. Поставил свечку, отслужил молебен или панихиду – и все будет хорошо, и в жизни Бог поможет, да и там тоже, после страшной и таинственной смерти. Ведь разве не с таким упрощенным пониманием веры живет большинство самих верующих? Разве уже тогда, при Иисусе Христе, не ходили они толпами за Ним, ожидая от Него кто исцеления, кто помощи, кто поучения? Но посмотрите, как в рассказе Евангелия постепенно тает эта толпа. Вот бросает Его богатый юноша, думавший, что он соблюдал все законы религии, но не смогший принять слов Христа: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мной» (Мф.19:21). Вот, за торжественной трапезой любви, уходит от Него в ночь на предательство Его ученик. И, наконец, последнее, когда все, бросив Его, бежали...

В нашей жизни бывает как раз наоборот: сначала одиночество, непризнанность, потом признание и рост славы, толпа последователей. В Евангелии же, когда дело доходит до креста, Христос остается Один. Более того, и про будущее Он говорит: «Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин.15:20); «В мире будете иметь скорбь» (Ин.16:33). И к нам обращает, в сущности, только один призыв, одно предложение – взять наш крест и нести его, и мы знаем уже, что такое этот крест.

Да, странное что-то происходит здесь с религией: вместо помощи – крест, вместо обещаний утешения, благополучия, уверенности: «Меня гнали, будут гнать и вас». И когда мы читаем в Евангелии о фарисеях, издевавшихся над распятым Христом: «Других спасал, а Себя Самого не может спасти! Если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него» (Мф.27:42), – разве мы не вспоминаем, разве нам не приходят в голову теперешние насмешки и теперешние издевательства: «Ну, что, разве помог вам ваш Бог?»

И действительно, пока ждем мы от Бога вот только этой помощи, только чуда, которое убрало бы страдание из нашей жизни, – насмешки торжествуют. И будут торжествовать, ибо любая дешевая пилюля действительно лучше и скорей помогает от головной боли, чем молитва и религия. И не понять нам тайны креста, пока такой вот пилюли – неважно, для важного или незначительного, – ждем мы от религии. Пока это так, крест, несмотря на все золото, на все серебро, покрывшее его, остается тем, что еще на заре христианства сказал про него апостол Павел: «Для иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (1Кор.1:23); в данном случае иудеи – это те, кто ждут от религии только помощи, а эллины – те, кто хотят от нее только разумного и гладкого объяснения всего. И в этом случае крест действительно – соблазн и безумие.

Но вот опять выносятся крест, и вот опять приближается та единственная из всех недель, когда приглашает нас Церковь не столько размышлять и обсуждать, а молча и сосредоточенно следовать за каждым шагом Христа, за его медленным, необратимым приближением к страданию, к распятию и к смерти. Приглашает как бы принять этот крест. И вот что-то странное происходит с нами. С себя, со своих проблем, со своих трудностей и даже со своих страданий мы обращаем взор на другого, на этого молча скорбящего и страдающего Человека, в эту ночь ужаса, измены и одиночества, но и торжества, и любви, и победы.

Что-то странное происходит с нами: сами того, может быть, не осознавая, мы чувствуем, как уходит от нас эта дешевая и эгоистическая религия, которая все хочет чего-то только для себя, которая самого Бога заставляет служить себе! И становится ясно, духовно ясно, что она, религия, на деле, на глубине – о чем-то совсем другом. И что в конце ее не помощь и не облегчение, а радость и победа.

Так вот, в следующих беседах проделаем хотя бы мысленно этот путь за Христом, несущим свой крест, идущим к Голгофе, – и, может быть, что-то бесконечное и бесконечно важное снова откроется вашей, нашей, моей душе. Вот почему посредине поста выносят крест в центр храма. Вот к этому призывает нас Церковь на так называемой Крестопоклонной седмице – чтобы мы начали наше собственное приближение к самой последней, может быть самой страшной, но в конечном итоге и самой радостной тайне нашей веры.